
ЭТНОС И ЭТНИЧНОСТЬ

А. Шажинбатын

СТРУКТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ К. ЛЕВИ-СТРОССА

Аннотация. Французский философ К. Леви-Стросс радикально переосмыслил проблему этноса, включив в ее рассмотрение целый ряд вопросов, которые традиционно относятся к философской антропологии. Изучая этнографический материал, этот исследователь изменил сам подход к антропологическим исследованиям. Он отмечает в своих трудах, что многие этнологи, в том числе М. Мосс, Б. Малиновский, осознали, что просто разлагать и препарировать социальные факты не следует, поскольку существо этнической проблемы требует включения в сферу такого исследования не социальные очевидности как таковые, а их осмысление и переживания людьми. Без включения человеческого фактора, несущего в себе момент субъективного осознания того или иного феномена, невозможно проникнуть в глубину этнологического исследования.

Использованы методы исторического исследования, которые сочетаются с методологией философской антропологии. Автор статьи применяет методы структурной антропологии, которая считает «этноцентризм» предрассудком, исключающим из культуры всё, что не соответствует нормам, по которым живет его культура.

Новизна статьи в попытке определить место структурной антропологии К. Леви-Стросса в изучении этноса. Впервые в отечественной и западной философии этничность рассматривается как антропологический феномен. Определяется место структурной антропологии в развёртывании «антропологизации» этнического исследования. Выявляются общие принципы, которые позволяют рассматривать культуры разных эпох и этносов.

Ключевые слова: человек, человеческая природа, миф, структурная антропология, этнос, этничность, этнология, инцест, ментальные структуры, рационализм.

Прежде всего, К. Леви-Стросс обращает внимание на участие этнографа в жизни туземного общества. Две опасности подстерегают исследователя, который имеет дело с инородным культурным материалом. С одной стороны, он не освобожден от соблазна взять в качестве нормы установки той культуры, к которой он сам принадлежит. В этом случае он воспримет эмпирику, ему предоставленную, как чужую, недоразвитую, недоволощённую. Скрытый смысл народных обычаев и ритуалов останется для него непрозрачным. Но есть и иная угроза. Она состоит в том, что исследователь, «очарованный» чужой культурой, растворяется в ней, адаптируется, оказывается ее пленником и тогда будет утрачена исследовательская дистанция, которая является гарантом объективности и строгости научных выводов¹. Профессия антрополога требует глубокой

беспристрастности, этот метод можно назвать методом политической неангажированности.

Французский исследователь подчеркивает, что исследование культурного феномена никогда не будет полным, если анализ не будет доведен до категорий бессознательного². Он осудил такую практику, когда антропология оказывается своеобразной инженерией, конструирующей машину с помощью серии рациональных операций. Способность воспринимать сугубо интимный, закрытый опыт другого человека, согласно К. Леви-Строссу, оказывается одним из средств достижения эмпирической верификации.

К. Леви-Стросс разглядел в профессии антрополога духовное призвание, одушевленное исканием приключений и разгадкой. По мнению этого исследователя, поворот к раскрытию новых, ранее не учтенных аспектов человеческой

¹ Гуревич П.С. Постигание человека через артефакты культуры // Философия и культура. 2014. № 6 (78). С. 916–918.

² Леви-Стросс К. Структурная антропология. Сборник переводов. М., 1980. С. 94.

деятельности, начинается с того, что суть жизни этноса не задается на путях собирания фактов. Нужно инвентаризировать не факты, а смыслы. Это суждение позволяет толковать труды К. Леви-Стросса в духе философского постижения человека. Как только исследователь отвлекается от простой регистрации артефактов культуры, он по сути дела вступает в сферу распознавания человеческой природы.

Аналогичный процесс можно проследить на примере исторической антропологии.

В исторической науке долгое время царствовал позитивизм. Эта гуманитарная наука обожествляла социальные факты. Ведь это кажется аксиомой. Чем еще должен заниматься историк, если не коллекционированием исторических событий? Поэтому считалось, что он должен освоить как можно больше архивных источников. Чем больше в его распоряжении окажется фактов, тем лучше. Чем больше фрагментов исторической истины получит историк, тем яснее станут причинно-следственные связи. Так через конкретные факты, их нанизывание можно подойти к осознанию законов исторического развития. Однако, приобрел неизбежность вопрос о том, что делать с фактами? Их можно возвеличить или опознать, извратить или восстановить подлинную огранку, забыть или завещать потомкам.

Это очевидный парадокс. Монбланы фактов, неизмеримое разнообразие исторических подробностей. Факт никогда не существует сам по себе. В нем есть и оценка самого события, готовность принять или осудить данное историческое мгновение. История всегда представляет собой неповторимую констелляцию событий. При несомненной исторической мудрости всегда ощутима уникальность конкретной судьбы народов, их боль и надежда. Историю можно выстроить вокруг властителей и полководцев. Но тогда останется без внимания то, что отечественный мыслитель Юрий Лотман называл «поэтикой повседневности». Вероятно, собирание фактов — важная обязанность историков. Но все равно возникает вопрос, каковы возможности познания истории? Если ценность факта в нем самом, то мы никогда не поймем, что же творилось в давние времена, как жили люди, о чем они думали, к чему стремились. Ведь сама реальность тех веков уже исчезла. Как восстановить ее во всех измерениях, если следы в источниках непрозрачны, их нужно не просто воспроизвести, а разгадать их подлинный смысл.

В программе Леви-Стросса для практического антрополога в «Структурной антропологии» картезианский метод сомнения предстает как неизменный агностицизм. Эти «антропологические сомнения» состоят не только в знании, что человек ничего не знает, но в решительном изложении того, что человек знает, включая его собственное незнание, и даже оскорбления или отказ от самых дорогих идей и обыкновений ради других идей и обыкновений, в высшей степени им противоречащих». Таким образом, быть антропологом значит занять весьма оригинальную позицию *vis-à-vis* по отношению к собственным сомнениям, собственной интеллектуальной неуверенности. Леви-Стросс дает ясно понять, что для него это в высшей степени *философская* позиция.

Антрополог в стиле Леви-Стросса это новая порода. Он, в отличие от теперешнего поколения американских антропологов, не просто скромный наблюдатель, собирающий данные. У него также нет топора, чтобы его точить, — ни христианского, ни рационалистского, ни фрейдистского, ни какого другого. В сущности, он занимается спасением собственной души путем пытливого и энергичного акта интеллектуального катарсиса.

Французский философ постоянно подчеркивает, что этнограф не может быть только регистратором фактов. Он просто вынужден философствовать. Ведь простое перечисление фактов является, по его словам, «кормилицей сомнений». Существо иной жизни не раскрывается через разрозненные факты. Волей-неволей это побуждает к философскому осмыслению действительности. «Несмотря на видимость противоположного, — подчеркивает Леви-Стросс, — антрополог отличается от социолога более философским методом мышления. Из боязни стать жертвой заблуждения социолог впадает в объективизм. Этнолог же этой боязни не испытывает, потому что изучаемое общество для него ничего не значит...»³.

Такое заявление выглядит парадоксом: изучать общество и при этом полагать, что само оно ничего для него не значит. Понять это можно только в том смысле, что этнолог фетишизирует подробности, а антрополог стремится опознать то, что скрывается за этими фактами, тот смысл, ту глубинную закономерность, которая открывается за этими деталями чужой жизни. Леви-Стросс допускает, что этнография может быть обречена стать

³ Там же. С. 111.

причудливым духовным образованием столь же неадекватным отражением иного мира, как и знания самих туземцев о европейском обществе. «Так, на одного индейца племени квакиутль, — пишет Леви-Стросс, — которого Боас пригласил в Нью-Йорк в качестве информатора, вид небоскребов и усеянных автомобилями улиц не произвел никакого впечатления; вся его любознательность пошла на карликов, гигантов и бородатых женщин, которые в это время экспонировались в Тайм Сквер, на автоматы, распределяющие готовые блюда (в кафе) и т.д.⁴. Именно эти факты ставили под сомнение собственную культуру индейца, а именно она интересовала его при знакомстве с американским обществом.

Не страдают ли такой же абберацией западные антропологи, когда обращаются к толкованию туземных обычаев и институтов? Нет ли здесь скрытого намерения «подверстать» все это под современные теории? Так, Леви-Стросс ставит под сомнение проблему тотемизма. Значимость этой темы, по его мнению, неотделима от тяги к гротеску, это детской болезни религиоведения, негативной проекции неподконтрольного (разуму) страха перед священным, от которого не удалось избавиться самому наблюдателю. Выходит, нельзя исключить, что теория тотемизма была исключительно для «нас», поэтому может быть она и окажется впоследствии иллюзорной.

У Шекспира сказано, что жизнь — это история, рассказанная сумасшедшим. Но ведь и многим этнографам изучение чужой культуры виделась как трагическая хроника человеческих ошибок, безумия, тщетных усилий, обманутых надежд. Все это для Леви-Стросса обдуманное основание искать неожиданные гарантии объективности. Было бы ошибкой считать древние общества как устойчивые, не подверженные изменениям. Они существуют на Земле гораздо дольше, чем европейская история. Эти культуры претерпели разного рода трансформации: переживали периоды кризисов и благоденствия, знали миграционные процессы, войны. Неудивительно, что они создали некоторые опоры, которые порождают отчаянное сопротивление всякой попытке не только изменить эти структуры, но даже и проникнуть вглубь таких обществ. Они озабочены неизменностью своего бытия.

Многие этнические феномены невозможно объяснить путем сопоставления хронологии, от-

носящейся, к примеру, к феноменам искусства. К. Леви-Стросс, по этому поводу пишет: «Открытие в Африке искусства Ифе, которое по изощренности не уступало европейскому искусству эпохи Возрождения, но предвосхитило его на три-четыре века — в той же Африке ему задолго до этого предшествовало искусство Нок, — меняет наше представление о современном африканском искусстве, в котором пытались видеть беспомощный слепок с искусства более высоких цивилизаций»⁵.

Культурная антропология — в широком смысле комплекс знаний о человеке как творце и носителе культуры. Человек рассматривается здесь как существо биологическое, чья природа трансформирована и определяется культурой. Культурная антропология синтезирует данные естествознания, психологии, философии и гуманитарных наук (истории, этнографии, этнологии, искусствоведения, религиоведения и др.). Предполагается, что собранные этнографами и культурологами знания о культуре раскрывают сущность человека, его человеческую природу, поскольку через созданную им культуру он раскрывает и себя самого. Но правомерен и иной исследовательский ход: как с помощью знаний, накопленных философской антропологией, растолковать явления культуры, их загадочный и зачастую парадоксальный смысл.

Исследователи приводят многочисленные и впечатляющие факты, которые свидетельствуют о странных ритуалах, обычаях, социальных миражах и других подробностях культурной жизни разных этносов и народов. Но как можно объяснить эти различия в социальной деятельности многих общностей? Может быть, лучше всего это сделать, опираясь на культурологические открытия. Эта формула: «культура толкует культуру», конечно, правомерна. Но нельзя ли положить в основу распознавания культурных процессов довольно обширное и самостоятельное философское постижение человека.

Леви-Стросс протестует против рабства этнографического наблюдения. Он предлагает взглянуть за той или иной культурной традицией тему «специфически человеческого». Французский философ обращается к теме происхождения человека. Известно, что в книге «Тотем и табу» З. Фрейд пытался разгадать первоначальный смысл тотемизма. Исходя из того, что часть запретов сама по себе понятна по своим целям, другая же, напро-

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Там же. С. 100.

тив, кажется бессмысленной, Фрейд рассматривал табу как результат двойственности чувств. Он выводил феномен совести из первородного греха, совершенного пралюдьми, — убийство первобытного «отца». Сексуальное соперничество детей с отцом привело к тому, что они решили избавиться от него. Однако этот проступок не прошел для них бесследно. Страшное преступление пробудило раскаяние. Дети поклялись никогда больше не совершать таких деяний.

Так, произошло, по Фрейду, рождение человека из животного. Здесь есть попытка объяснить появление сознания из тайн психики. Совесть — это, по сути дела, удвоение реальности. Я восстанавливаю в своей памяти эпизод, который вызывает во мне смятение чувств. Работает мое воображение. Но ведь философы давно отмечали, что сознание рождается не из потребности людей сказать что-то друг другу, как подчеркивал Энгельс, а из мучительного процесса воскрешения той навязчивой картины, которая пробудила совесть. Раскаяние, стало быть, породило и феномен культуры как средство преодоления навязчивых вожделений.

Эту же концепцию поддерживал и К. Леви-Стросс. Он писал: «Известно, какую функцию выполняет в первобытных обществах правило запрещения инцеста. Благодаря этому правилу за пределы кровнородственной группы, если можно так выразиться, «выталкиваются» сестры и дочери (ее членов) и между группами завязываются связи по браку, первыми связи, которые можно назвать социальными. Таким образом, на запрещении инцеста зиждется само существование человеческого общества»⁶.

Другие представители структурализма тоже допускали, что человек выломился из природного царства благодаря совести, пробужденной в нем убийством. Французский литературовед Ролан Барт пишет о том, что некоторые авторы (Дарвин, Аткинсон и вслед за ними Фрейд), считали, что в древнейшие времена нашей истории люди жили ордами; каждая орда подчинялась самому сильному самцу, который безраздельно владел женщинами, детьми и вещами. Сыновья же не владели ничем; сила отца мешала им получить тех женщин — сестер или матерей, — которых они желали. Если они имели несчастье вызвать ревность отца, их убивали, кастрировали или изгоняли. И, в конечном счете, по мнению

этих авторов, сыновья объединились, чтобы убить отца и занять его место. После отцеубийства между сыновьями началась раздор, они яростно боролись друг с другом за право наследования, и лишь после длительной братоубийственной борьбы они пришли к разумному соглашению: каждый отказался от прав на свою мать и на своих сестер. Так возник запрет за инцест⁷.

К. Леви-Стросс отмечает, что запрещение инцеста существует и в современных культурах. Но в отличие от американских индейцев и австралийских аборигенов оно формулируется иначе. Но вполне возможно, что этот обычай теперь выполняет другую функцию. Не правомерно ли поэтому полагать, что человеческая природа остается неизменной, а типы структур меняются в зависимости от местных исторических традиций? Так возникает тема пластичности социального как такового.

Французский исследователь применяет строгий формализм к традиционным темам — системе кровного родства, тотемизму, соотношению мифа и ритуала. Он полагал, что антрополог должен брать на себя обязанности психоаналитика. В работе «Печальные тропики», которую американская писательница, литературный, художественный, театральный кинокритик Сьюзен Зонтаг считает одной из великих книг минувшего столетия, Леви-Стросс профессионально расчленяет мир на «внутри» и «вовне», домашнее и экзотическое, академический городской мир и тропики.

Леви-Стросс, обращаясь к культуре различных народов, убеждается в огромном разнообразии обнаружений человеческой природы. В каждой культуре существует жгучая потребность в восполненности человеческого бытия. Европа, в частности, тянется к экзотике, которую обнаруживает в Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, среди дописьменных народов, в мифической Америке. Утомленная европейская рациональность пытается найти «отдушину» в безличной энергии сексуального экстаза, свойственного знойным африканским племенам. Сознание пытается отыскать свое значение в бессознательном. Гуманистическая культура, пронизанная пафосом сингулярности, парадоксальным образом тянется к квантификации и математическим методам. Европейский мир тянется к экзотике, но не только для того, чтобы оценить ее своеобразие, но также и для того, чтобы ее «освоить», «адаптировать к себе».

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Барт Ролан. Избранные работы. М., 1989.

С 1935 г. по 1939 г., во время долгих университетских каникул с ноября до марта, а однажды даже в течение целого года, Леви-Стросс жил среди индейских племен в глубине Бразилии. «Печальные тропики» содержат записи его встреч с этими племенами — кочевыми намбиква, которые в свое время убили миссионеров, тупи-кавахиб, не видевших до той поры белого человека, прекрасно обеспеченными бороро, чопорными каудивео, которые в огромных количествах создают абстрактные картины и скульптуры.

Философско-антропологический смысл научной деятельности Леви-Стросса хорошо раскрыла С. Зонтаг. Она сравнивает деятельность французского исследователя с позицией Лукреция. Тот был убежден, что изучение естественных наук это способ этической психотерапии. Цель Лукреция состояла не в обретении независимого научного знания, а в ослабление эмоциональной тревожности. Лукреций видел человека, разрывающегося между сексуальным удовольствием и болью эмоциональных потерь, мучимого суевериями, внушенными религией, преследуемого страхом телесного упадка и смерти. Он рекомендовал научное знание, которое учит разумной беспристрастности, спокойствию. Научное знание для Лукреция обладает психологическим изяществом. Это путь к освобождению.

Философская антропология Леви-Стросса тоже окрашена пессимизмом. Ее нельзя назвать мизантропологией. Но история воспринимается им именно в этом ключе. Он наблюдал, как прошлое рассыпается у нас на глазах. Древняя культура иссушается и гибнет. Когда в поле твоего наблюдения около двадцати тысяч голых, бедных, кочующих, прекрасных индейцев намбиквара, но через два десятилетия их остается всего не более двух тысяч вымирающих представителей этой культуры, поневоле хочется назвать тропики «печальными».

К. Леви-Стросс называет свой метод «структурной антропологией». Ее исходные позиции в том, чтобы стереть все следы личного опыта исследователя и сгладить человеческие черты его предмета, того или иного первобытного общества. В «Неприрученной мысли» Леви-Стросс называет свою мысль анекдотической и геометрической. Его очерки в «Структурной антропологии» демонстрируют, по большей части, геометрическую сторону его мысли; это применение строгого формализма к традиционным темам — системе кровного родства,

тотемизму, ритуалам, связанным с достижением половой зрелости, соотношению мифа и ритуала и так далее. Леви-Стросс в большой мере отделяет себя от того, что называет «естественноисторическим» течением в британской антропологии, представленным такими учеными как Б. Малиновский и Р. Радклифф-Браун.

Британские антропологи были самыми последовательными поборниками «функционального анализа», который интерпретирует разнообразие обычаев как различные стратегии создания универсальных социальных целей. Так, Б. Малиновский полагал, что эмпирические наблюдения, полученные при встрече с конкретным первобытным обществом ценные не сами по себе, а тем, что позволяют выявить некую общую, универсальную мотивацию, которая определяет жизнь всех обществ. По мнению Б. Малиновского, разнообразные феномены культуры проходят испытание временем, выдерживают конкуренцию и только в результате этого сохраняют себя. Разумеется, проба на эффективность сама по себе имеют разные критерии. Люди конкретных культур могут иначе оценивать такие очевидные достоинства жизни, как полезность, правильность, справедливость.

Леви-Стросс считает эти рассуждения беспочвенными. Антропология не может иметь такую цель — отыскать универсальную мотивацию. Тот материал, который в психологии или социологии относится к постижению человека, не способен подвести к общим выводам. Ведь этнография не имеет полного знания о тех обществах, которые она исследует. Она может приобрести некоторую ясность в понимании структур той или иной культуры. Но антропология не способна сразу постичь и назначение этих структур, их функции. Поэтому она, по мысли Леви-Стросса, может быть лишь описательной, но не аналитической дисциплиной. Ей подвластны лишь формальные отличия одного общества от другого. Традиционная (не структурная) антропология не обнаруживает интереса ни биологическому, ни к социологическому арсеналу традиций, ни к социальным функциям тех норм и обычаев, которые бытуют в обществе.

В то время как Б. Малиновский или Р. Радклифф-Браун образец любых родственных связей выводят из биологии, Леви-Стросс рассуждает об искусственности, (небиологичности) родственных обычаев. Структурная антропология, таким образом, отвергает чисто биологический подход к постижению человека. Она полагает, что человек

есть слепок различных социальных отношений. Каждое общество предлагает ее представителю обширный арсенал возможностей. Здесь никто не играет по правилам. Реальные агенты социума предпочитают неожиданные и нетривиальные ходы. Традиционный антрополог толкует тот или иной ритуал или запрет просто как перечень существующих правил. Но он не уделяет достаточного внимания «природе партнеров», то есть людей или социальных групп, которые вовлечены в эту игры по правилам.

В чем же заключается радикальный прорыв Леви-Стросса в изучении примитивных культур и различных этносов? Он состоит в преобразении инстинктивного (природного) человека в человека культуры. Этот процесс реализуется через табу инцеста, он обозначает схему, общую для всех культур. Те отношения, которые возникают между людьми в результате данного запрета, порождают первую, исходную модель социальной организации. Однако это не только проблема происхождения общества или культуры. Это и философско-антропологическая тема, поскольку естественный человек в этом случае обретает новое качество. Так складывается некая бинарная оппозиция: «человек — природа».

Леви-Стросс склоняется к идее «сверхрационализма». Он полагает, что в природе и Вселенной уже заключена некая рациональность. Она присуща органической и физической материи. Именно эта рациональность обуславливает специфику мышления первобытных людей. Но в то же время она оказывается предпосылкой изучения самого человека. Рациональное мышление, по Леви-Строссу, имеет несколько этапов. Он обнаружил это, изучая мифы. В этом типе мышления действует объективная логика отношений между предметами, причем уже она получает выражение в терминах и суждениях. Так, выявляет себя своеобразная комбинаторика бессознательного мышления. Леви-Стросс убежден в том, закономерность и последовательность созидательной деятельности человека оформилась уже в примитивных культурах. Эта логика присуща как древним культурам, так и современности.

Таким образом, человечество в целом, огромный массив людей, живущих на Земле, связан единой структурой бессознательного. Но почему же при такой общности история раскрыла огромное множество этнических и национальных образований. Здесь очевидно, что драматургия бессозна-

тельного по-разному реализует себя в конкретных исторических условиях. Так французский философ предлагает осмыслить известную трудность философской антропологии — почему человеческая природа демонстрирует и известную устойчивость, стабильность и в то же время порождает множество различных образцов поведения, в том числе и этнического. Такое движение философской мысли позволяет Леви-Строссу дать нетривиальное толкование мифа. Во всем многообразии мифологических сюжетов он обнаруживает не столько следы истории каких-либо этносов, сколько своеобразный игровой ход, через который проступает противоборство базовых противоречий человеческого бытия. К их числу можно отнести контрверзу жизни и смерти, природы и культуры.

В этом контексте возникла парадоксальная цель структурной антропологии. Она отказалась от бесконечного процесса фиксации этнических различий и деталей жизни конкретных народов. Структурная антропология стала очищать бытие конкретного этноса от историчности и конкретности. Именно мифологическое мышление способно помочь этносу преодолеть тяжелые этапы жизни этноса, выпавшие на его долю испытания. Оно также позволяет подняться на невероятную высоту человеческого мышления. Лишь миф обнажает сокровенные отношения человека и Вселенной.

По мнению Леви-Стросса, именно язык открывает пути для постижения всех явлений жизни человека и общества. Он и раскрывает смысл существования тех или иных общественных структур. Язык есть порождение мысли. Смысл обнаруживается только там, где предметы или действия названы; мир означаемых предметов есть мир языка. Язык несет в себе социальные установления и систему значимостей, не может быть изменен или создан по произволу отдельного индивида. Он является коллективным договором, обеспечивающим коммуникацию. Речь, напротив, есть результат индивидуального выбора.

Так, по сути дела, в структурной антропологии преобразается тема человеческой природы. Обычная антропология ничего не проясняет в этом направлении. Накопленные ею подробности сами требуют упорядоченности, а общий смысл из них непосредственно не следует. Миф в трактовке Леви-Стросса имеет собственную логику. Это не сбой познающей мысли, а выражение ее формальности, логичности. Причем логика мифа отнюдь не примитивна. Она вполне может соперничать с раци-

ональностью современной науки. Французский философ убежден в том, что развертывание возможностей архаического мышления не уступает правилам современной рациональности. Поэтому нет оснований фиксировать разницу между мифическим мышлением доисторических обществ и научным мышлением современных, исторических форм логики познания.

Леви-Строссу удалось использовать методы структурного анализа для переосмысления многообразной фактуры эмпирической антропологии. Обычай, ритуалы, мифы и табу, считал он, — это язык. Как в языке, где звуки, из которых состоят слова, взятые сами по себе, бессмысленны, так и часть обычая, ритуала или мифа (согласно Леви-Строссу) сами по себе лишены смысла. Анализируя миф об Эдипе, он настаивает, что отдельные части мифа (ребенок-найденный, старик на перекрестке дорог, женитьба на матери, ослепление и т.д.) не значат ничего. И лишь соединенные в общий контекст части начинают обретать смысл — смысл, которым обладает логическая модель. Эта степень интеллектуального агностицизма, действительно, необычайна. И, чтобы оспорить ее, необязательно поддерживать фрейдистскую или социологическую интерпретацию элементов мифа.

В некоторых версиях этого мифа нет значимых мотивов, например, самоубийства Иокасты и самоослепления Эдипа. Но разве это нарушает структуру мифа? Нам нет необходимости искать такой вариант мифа, в котором эти сюжеты наличествуют. Но ведь именно так поступала традиционная школа, которая отыскивала первоначальный, подлинный или полный вариант мифа. Но в парадигме Леви-Стросса миф — это совокупность всех его вариантов. Отдельный фрагмент мифа позволяет раскрыть логику и непреложность мифологического мышления.

«Мы поднимаемся, таким образом, от рассмотрения отдельных мифов, — писал К. Леви-Стросс, — к рассмотрению своего рода абстрактных схем... По мере того, как первоначальная туманность расширяется, концентрируется и организуется ее ядро, разрозненные нити переплетаются между собой, пробелы заполняются, завязываются связи, за хаосом начинает маячить нечто похожее на порядок. Подразделенные на группы последовательности трансформаций присоединяются к первоначальной группе, являющейся как бы зародышем, и воспроизводит ее структуру, и взаимосвязи. На свет появляется многомерное тело, которое в цен-

тральной части проявляет признаки организации, в то время как на периферии еще царит хаос»⁸.

Итак, согласно Леви-Строссу универсальность человеческой природы заложена в подсознании. Она не может быть раскрыта средствами классической философской антропологии, которая анализирует в основном результаты рационального, сознательного постижения человека. Объективное разностороннее знание о человеке, по его мнению, можно получить только в рамках структурной антропологии. Объяснить генезис и функционирование человека и человеческого общества можно, стало быть, синтезируя данные, которые получены этнографией, этнологией и антропологией. Однако речь идет не просто о сравнении полученных результатов. Предполагается еще одна стадия такой аналитической деятельности — переход к стадии структурной антропологии, которая толкует те структурные элементы, совокупность которых составляет бессознательную структуру человеческого разума.

Те модели, которые выявлены структуралистским методом, нельзя рассматривать в качестве эмпирической действительности. Однако они реальны, хотя и не могут быть опознаны путем непосредственного наблюдения. Чтобы прорваться к истинной яви, нужно выбраться за границы конкретно воспринимаемой реальности. Ментальные структуры всегда сохраняют свою подлинность, они не подвержены историческим преобразованиям. Они созданы самой природой. Но если нам удастся выявить структуру разума, мы можем познать строение Вселенной. Таким образом, структурная антропология пытается раскрыть законы природы, культуры и человека.

Толкование этноса у Леви-Стросса отличается от идей Ж.-Ж. Руссо. Да, Руссо можно считать родоначальником антропологического подхода к культуре. Он указывал на факторы, без которых невозможно понимание чужого этноса. Без отождествления себя с другими людьми, без сострадания к представителям другой культуры невозможно построить человеческую коммуникацию. Без этих факторов немисливо и подлинное этнологическое познание. Неслучайно Леви-Стросс отвергает расизм как способ негативной оценки чужих этносов. В работе «Раса и история» он рассуждает о многообразии равноправных человеческих культур. Ни

⁸ Леви-Стросс К. Структурная антропология. Сборник переводов. М., 1980. С. 168–169.

интеллектуальные, ни социальные оценки не позволяют адекватно постичь жизнь других этносов.

Леви-Стросс отмежевывается от ложного эволюционизма, который рассматривает древние культуры как недоразвитые, не достигшие еще нужной стадии развития. Ошибочно полагать, что другие народы идут тем же путем, что и европейцы, но многие из них находятся на той стадии, которую европейцы давно уже миновали. Неразумно также сопоставлять по этой шкале архаические формы европейских культур с культурой древних народов. Скажем, бесписьменные туземные племена минувшего столетия не являются ни первобытными, ни отражают детское состояние человеческой истории. Они ориентировались на сохранение изначальных форм, отражающих связи с природой. В этом их специфика, а вовсе не характеристика их стадийного развития. С этой точки зрения, Леви-Стросс выступал против европейской трактовки прогресса, согласно которому человечество сделало приоритетным именно западный образ жизни. Так, в области познания человеческого тела, связи его физического и психического аспектов Восток на несколько тысячелетий опережает западные цивилизации. Известен приоритет Индии в создании религиозно-философских систем. Французский философ считал, что на Земле нет такой цивилизации, которая могла бы предъявить свои права на универсальность. Мировая цивилизация мыслима лишь как некая федерация национальных культур, обеспечивающих свою самобытность.

Леви-Стросс стремился к постижению туземных культур, к осознанию присущей им символики, логической связности. Он искал возможности осознание самых заветных, сокровенных сторон иной культуры. Понятие «этноса» является чрезвычайно непростым. В западной науке оно используется довольно редко, и строгие классические научные определения, которые были бы предметом безусловного академического консенсуса, отсутствуют. Существует такие направления в науке, как *этнология* и *этнография*. Первая описывает различные народы мира, их особенности, а вторая, по формуле Леви-Стросса, является подразделом антропологии и изучает структуры примитивных этносов и архаических племен. Из такого словоупотребления видно, что под «этносом» на Западе принято понимать *народы, чья культура относится к разряду «первобытных»*. Поразительно, об этносе написано множество тру-

дов. Но так и осталась неисследованной проблема культурной антропологии: что нового открываются нам, когда мы постигаем этнос через человеческую природу, а не через бесконечное перечисление культурных различий.

В противоположность Сартру, Леви-Стросс не считает личность единственной точкой отсчета в исследовании человеческого мышления и поведения. Отсюда различие как в оценках исследования — диалектического и аналитического, так и во взглядах на личность, язык и историю. Сартр понимал под диалектикой форму отношения человека к материальному миру. В отличие от Маркса для него диалектическим является лишь содержание человеческой, а не естественной истории. Диалектика сводится Сартром к анализу тех отношений, которые имеют место между человеком, находящимся в определенной ситуации, и противостоящими ему силами. Свою роль посредника человек выполняет благодаря осмысленной и свободной деятельности, он не руководствуется при этом слепыми силами природы или суперорганическим групповым сознанием. Сартр выступает поэтому против аналитического метода, цель которого выявить чуждые человеку силы, направляющие его мысли и действия.

Леви-Стросс в отличие от Сартра ищет глубинные структурные принципы социальных отношений. По его мнению, конститутивные элементы реальности сводимы к бинарным отношениям, которые он считает логическими на уровне структуры (здесь правомерен аналитический метод исследования) и действительными на поверхностном уровне реальности (здесь применим диалектический метод).

Леви-Стросс исходит из первичности структурных компонентов, к которым он сводит все явления и формы жизни: человеческую личность, язык, социальные законы, историю. Так язык изоморфен сознанию, ибо человек сначала учится говорить, а потом мыслить: изучая язык, мы сможем многое узнать о мире. Исследуя примитивные системы родства, Леви-Стросс пришел к выводу, что групповые законы — не что иное, как проявления глубинного закона экзогамии, закона запрета инцеста, который считается в системе этого ученого первичным элементом культуры.

Личность, согласно Леви-Строссу, свободна в том смысле, что, перестраивая компоненты своего существования, она получает множество новых структур с практически бесконечной возможно-

стью выбора. Однако эти же компоненты ограничивают свободу, так как они по природе неразложимы и не зависят от человеческой воли.

Сартр же видит в человеке изначально свободное существо. Однако действия человека ограничиваются материальным и социальным мирами. В социальные ограничения он включает язык и групповые законы. Последние суть продукты сознательной человеческой деятельности и выражают отношения между нашей волей и инертной средой. Человеческий коллектив сам вырабатывает эти законы, каждый новый член коллектива не насильственно подвергается их действию, но поддерживает их по доброй воле. Язык не является результатом сознательной деятельности и, будучи

общественным орудием, отчуждает личность от ее экзистенциальной свободы.

История для Сартра — хаос событий, упорядочиваемый диалектикой; он признает ее главной областью проявления человеческой сущности и подчеркивает ее утилитарную роль. Все это дает Леви-Строссу основание считать, что история для Сартра выполняет ту же роль, что и миф для примитивного человека. С точки зрения Леви-Стросса, история не есть непрерывный процесс. Это, скорее, дискретный отбор человеком определенных событий, которые можно логически упорядочить. Поэтому противопоставление компонентов истории, как полагает Леви-Стросс, основано на понятиях «до» и «после Я».

Список литературы:

1. Алейник Р.М. Социальная антропология — этнология — культура // *Философия и культура*. 2010. № 3. С. 40–53.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
3. Голосовкер Яков. Избранное. Логика мифа. М., СПб, 2010.
4. Гуревич П.С. Постижение человека через артефакты культуры // *Философия и культура*. 2014. № 6 (78). С. 916–918.
5. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. М., 2013.
6. Леви-Стросс К. Мифологии. Т. 1. Сырое и приготовленное. М., СПб, 2000.
7. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М., 1994.
8. Леви-Стросс К. Путь масок / Пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. М., 2000.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Сборник переводов. М., 1980.
10. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
11. Палеев Р.Н. Антропологический аспект эволюции социально-культурных норм // *Философия и культура*. 2010. № 6. С. 52–67.
12. Спирова Э.М. Символ в истолковании К. Леви-Стросса // *Философия и культура*. 2008. № 5. С. 100–111.
13. Спирова Э.М. Философская антропология как система понятий // *Философия и культура*. 2010. № 11. С. 128–137.
14. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012.
15. Хоружий С.С. Переоценка всех антропоценностей. Часть 2. Окончание // *Философия и культура*. 2010. № 2. С. 10–19.
16. Шажинбатын А. Этничность как проблема культурной антропологии. // *Психология и психотехника*. 2010. № 12. С. 56–62.

References (transliteration):

1. Aleinik R.M. Sotsial'naya antropologiya – etnologiya – kul'tura // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 3. S. 40–53.
2. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1986.
3. Golosovker Yakov. Izbrannoe. Logika mifa. M., SPb, 2010.
4. Gurevich P.S. Postizhenie cheloveka cherez artefakty kul'tury // *Filosofiya i kul'tura*. 2014. № 6 (78). S. 916–918.
5. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka. M., 2013.
6. Levi-Stross K. Mifologiki. T. 1. Syroe i prigotovlennoe. M., SPb, 2000.
7. Levi-Stross K. Pervobytnoe myshlenie / Per., vstup. st. i prim. A.B. Ostrovskogo. M., 1994.

8. Levi-Stross K. Put' masok / Per. s fr., sost., vstup. st. i primech. A.B. Ostrovskogo. M., 2000.
9. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya. Sbornik perevodov. M., 1980.
10. Lotman Yu.M. Kul'tura i vzryv. M., 1992.
11. Paleev R.N. Antropologicheskii aspekt evolyutsii sotsial'no-kul'turnykh norm // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 6. S. 52–67.
12. Spirova E.M. Simvol v istolkovanii K. Levi-Strossa // Filosofiya i kul'tura. 2008. № 5. S. 100–111.
13. Spirova E.M. Filosofskaya antropologiya kak sistema ponyatii // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 11. S. 128–137.
14. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M., 2012.
15. Khoruzhii S.S. Pereotsenka vsekh antropotsennostei. Chast' 2. Okonchanie // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 2. S. 10–19.
16. Shazhinbatyn A. Etnichnost' kak problema kul'turnoi antropologii // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 12. S. 56–62.